

«УТВЕРЖДАЮ»

Врио директора Института
археологии и этнографии СО РАН,
д.и.н., проф. РАН А.И. Кривошапкин

ОТЗЫВ

ведущей организации – федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук – на диссертационную работу Касаткиной Александры Константиновны «Дачные разговоры как объект этнографического исследования: разработка метода (на материале интервью об освоении садовых участков в 1980-е – 1990-е гг.)», представленную к защите в диссертационный совет Д 002.123.01 на базе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Диссертация Александры Константиновны Касаткиной является междисциплинарным исследованием, созданным на пересечении социокультурной и лингвистической антропологии. Заметное преобладание в работе лингвистической перспективы находит при этом отражение не только в определении предметно-объектного поля, но и в выборе методологических подходов к исследованию.

Безусловная актуальность заявленной темы для отечественной этнографии, этнологии и антропологии диктуется назревшей необходимостью пересмотра техник сбора и анализа полевых данных, а также поиска новых форм репрезентации этнографической действительности в связи с давно наметившимся переходом к реалиям нового этнографического поля, а именно – этнографическому осмыслению современности.

Действительно, как справедливо отмечает автор во вводной части работы, отечественная этнография, традиционно выступающая в тесном тандеме с фольклористикой, исторически сформировалась как область научного знания,

ориентированная на фиксацию уходящей традиционной культуры. Разработанные российскими этнографами методы полевой работы – этнографические опросы – изначально предназначались для записи (часто от руки) монологов об ушедших традициях и фокусировались на работе с информацией о прошлом, зафиксированной в тексте. Выдвигаемый автором новый подход к сбору и анализу полевых данных, когда этнографы переключаются на изучение современности, предполагает смещение исследовательского интереса с фиксации монологов об ушедших традициях на диалогическое взаимодействие интервьюера и информанта в ходе самого интервью как культурно обусловленной ситуации.

Именно такой подход, считает диссертант, способен преодолеть ограничения, присущие в настоящее время методу включенного наблюдения, традиционно занимавшему доминирующее положение в зарубежной (англо-американской) антропологии. Автор констатирует, что в современной урбанизированной среде города или поселка (в отличие от традиционной сельской среды) «доступ к повседневности» интересующих исследователя сообществ затруднен, поскольку их жизнь (будь то «потoki перемещений мигрантов» или «невидимые электронные сети») протекает сегодня «за закрытыми дверями». В этих условиях все больший вес приобретает метод интервью, который, как подчеркивается в исследовании, «способен обеспечить глубокое погружение в поле и может быть переосмыслен в этнографической перспективе как форма включенного наблюдения». Механизмам подобного переосмысления, по сути, и посвящена представленная диссертация.

Эмпирическим материалом для разработки этнографически обновленного метода интервью послужил, как следует из названия работы, такой объект этнографического исследования, как дачные разговоры (разговоры с дачниками на дачные темы). Мотивируя выбор предметной области, охватывающей «дискурсивное устройство разговоров с дачниками», диссертант характеризует современную российскую дачу (владелец которой постоянно мигрирует между городом и своим участком) как «урбанизированное мультилокальное поле», отмеченное множественностью площадок (городских, загородных, транзитных и

даже виртуальных), на которых разворачивается дачная жизнь. В условиях чрезвычайно сложного охвата всех перечисленных локаций получить доступ к рутинным и ускользающим от рефлексии практикам дачной жизни, а также культурным правилам, реализуемым в речевом поведении, по убеждению автора, можно только с помощью методологически продуманного этнографического изучения дачных разговоров.

Подводные камни, которые, на наш взгляд, содержит подобный подход, заключаются в том, что сама дача или земледельческий участок эпохи садоводческого бума как специфический поздне- и постсоветский (российский) социокультурный феномен формально оказывается за рамками исследования. И хотя истории садоводческих товариществ как *объекта* дачных разговоров посвящена одна из четырех глав диссертации (Глава 2. Рождение объекта дачных разговоров: история садоводческих товариществ), сами садоводческие товарищества, по сути, позиционируются в работе как *объект объекта* исследования. Определение объекта в соответствующем разделе диссертации сводится к номинации материальных носителей дачных разговоров, к которым относятся созданные автором «аудиозаписи и расшифровки исследовательских интервью». В то же время, точнее (и главное – без ущерба для общего авторского замысла) было бы отвести указанную роль именно даче (или дачной культуре), а в качестве предмета исследования оставить дачные разговоры и их дискурсивное устройство. Это позволило бы избежать существующего в нынешней редакции дублирования объекта исследования и его эмпирической базы, основной корпус которой (наряду с полевыми дневниками, архивными документами, законодательными актами и прочими источниками) как раз и составляют вышеупомянутые аудиозаписи и расшифровки.

Неявная апелляция к зарубежной антропологии, связанная с попыткой «реабилитации» метода интервью, а также исключительное внимание к речевым формам взаимодействия парадоксальным образом приводят автора к отказу от личного опыта включенного наблюдения, полученного им (ею), как следует из ряда приведенных в тексте ремарок, уже в детские годы в одном из садоводче-

ских участков Ленинградской области. Невостребованный характер подобного опыта, возможно, продиктованный подсознательным стремлением следовать выделенным Ильей Утехиным принципам изучения речевого взаимодействия («культурная дистанция» и «невовлеченность в события» как «необходимые средства остранения»), не выглядит в данном случае логичным или оправданным (см.: Утехин И. Обратный перевод разговоров // Рис Н. Русские разговоры: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: НЛЮ, 2005. С. 5-10).

Одной из наиболее сильных сторон диссертации явилась подробная характеристика современных зарубежных направлений (таких, как лингвистическая философия, разговорный анализ, исследования дискурса и пр.), которые легли в основу авторской методологии, направленной на адаптацию зарубежных моделей и методов речевого взаимодействия к заявленной теме исследования (Глава 1. Речевое взаимодействие в социальной антропологии). Достаточно сказать, что почти две трети из списка использованной литературы составляют публикации на английском языке, а значительная часть русскоязычной литературы представлена переводами сочинений зарубежных авторов.

Этнографическое изучение дачных разговоров, обозначенное в исследовании как «микроэтнография интервью», потребовало от автора досконального знания «микромеханики» коммуникативного взаимодействия, филигранной настройки исследовательского инструментария на соответствие формату естественно протекающей беседы и овладения техникой «эксplikации контекстов» с использованием «оптики максимального приближения» для фиксации таких параметров устной коммуникации, как темп речи, рисунок пауз и повторов, и даже «локализация и распределение смеха». Попутно отметим, что автор не отрицает ограниченности и этих (зафиксированных с помощью *аудиозаписи*) параметров, признавая необходимость использования в дальнейшем «альтернативных способов репрезентации результатов полевой работы», а именно – *видеозаписи* интервью (Глава 4. Устройство дачного разговора). Вместе с тем, как было отмечено в самой диссертации, подобные технологии более актуальны для исследователей, работающих на «чужом языке» и не принадлежащих куль-

туре, носителями которой являются представители изучаемого сообщества. Принципиально иные обстоятельства исследования, автор которого не только хорошо знает, но и в определенной степени сам(а) является носителем дачной культуры, требуют дополнительного обоснования эвристической ценности полученных выводов.

К числу несомненных достоинств диссертации следует отнести реконструкцию садоводческих дискурсов горожан за весь послевоенный период, которая сопровождается авторскими зарисовками на темы, связанные с историей городского быта или «искусством игры по советским правилам» (Глава 3. Порядок дискурса садоводства горожан). Динамика выделенных автором объяснительных моделей, к которым обращаются участники интервью для описания своей деятельности и обоснования решений, касающихся садовых участков в определенные исторические периоды, включает в себя различную конфигурацию четырех основных дискурсов – гигиенистского, связанного с советской философией труда, крестьянского и автономного.

К сожалению, в работе не нашел отражения экологический или ландшафтный дискурс как способ осмысления трансформаций, происходящих в результате планирования или стихийного освоения городских и сельских территорий. Разрастание дачных поселков и садоводческих товариществ, как отмечается в работах отечественных географов (Н.В. Зубаревич, Т.Г. Нефедовой, Б.Б. Родомана и др.), негативно сказывается на экологическом состоянии пригородных ландшафтов. Сама же «дачная культура», ориентированная, по сути, на ведение натурального хозяйства, не способствует развитию необходимых для рыночной экономики качеств. В то же время, оценка перечисленных особенностей российских процессов урбанизации и дезурбанизации с точки зрения упомянутого диссертантом конспирологического дискурса, носит, по нашему мнению, односторонний характер.

К числу формальных недочетов представленной работы следует отнести определенные расхождения в последовательности отдельных разделов автореферата и текста диссертации, а также частичные несовпадения в названиях раз-

делов. Сюда же добавим некоторую бессистемность списка нормативно-правовых документов, перечень которых не отвечает ни алфавитному, ни хронологическому принципу.

В целом, несмотря на высказанные замечания и пожелания, диссертация А.К. Касаткиной представляет собой целостное, во многом новаторское исследование, и соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям «Положением о присуждении ученых степеней», утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (в редакции от 1 октября 2018 г.), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Отзыв на диссертационную работу А.К. Касаткиной «Дачные разговоры как объект этнографического исследования: разработка метода (на материале интервью об освоении садовых участков в 1980-е – 1990-е гг.)» подготовлен к.и.н., с.н.с. отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН Г.В. Любимовой. Текст отзыва заслушан и утвержден на заседании Отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (10 сотрудников – «за», 1 – воздержался) 21 октября 2019 г. (протокол № 24).

К. и. н., с. н. с. отдела этнографии
Института археологии и этнографии СО РАН
Любимова Галина Владиславовна

Д. и. н., зав. отделом этнографии
Института археологии и этнографии СО РАН
Фурсова Елена Федоровна

Институт археологии и этнографии СО РАН, Отдел этнографии,
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17
Телефон: (383) 333-13-12
E-mail: mfl1@mail.ru

Любимовой
Фурсовой
2019
ЗАВЕРЮ ЗАВ. КАНЦ. МАЭТ СО РАН
М.А. КРИВКОВА

